

A close-up portrait of a young woman with long, wavy blonde hair and bright blue eyes. She is wearing a dark blue, textured top with a ruffled collar. The background is a soft-focus sunset or sunrise sky with warm orange and pink tones.

ВЫСОКИЕ ОБОРОТЫ

Антонина Ромак

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Антонина Ромак

Высокие обороты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48767984

SelfPub; 2024

Аннотация

Что может быть общего у хорошей девочки и парня с улицы? Как соприкоснуться их судьбы, как разойдутся и где вновь встретятся? Обложка создана при помощи нейросети Kandinsky 2.1

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Антонина Ромак

Высокие обороты

Пролог

Миллионы раз я возвращаюсь мыслями в тот вечер, отпуская реальность и почти вновь чувствую то очарование и простоту происходящего. Иногда мне даже кажется, что вновь слышу шум дождя и тепло салона машины, той чёрной девятки с велюровым салоном и чёрными панелями. Перебираю посекундно, свои воспоминания, словно кадры на кассетной пленке: вспыхивает кривая полоска молнии на горизонте, освещая на мгновение озеро и посёлок на том берегу; я наклоняюсь к лобовому стеклу и смотрю сквозь на небо, оно светло-серое над нами, встречаюсь с его взглядом в отражении, он смотрит спокойно и безотрывно. Падают первые капли дождя разбиваясь о пыльный капот и тут же становясь кляксами, через минуту сложенный поток смывает все дочиста, щёлкает кассетная автомагнитола, оповещая, что дальше только тишина и шум ударяющихся капель по кузову машины.

— Грусть глаз твоих, моих метаний суть. Так пусть они покоятся под сенью белокурых локонов, На острых скулах, вы-

лепленных ветром, Я все пойму, пусть легким будет путь, – говорит он.

– Чьи это стихи? – спрашиваю его.

– Не помню. Что из школьного учебника, – говорит мне, пожимая плечами.

– Я хорошо помню школьную программу. Там нет такого.

Мы молчим, он отвернувшись в боковое стекло, перебирает пальцами рябую оплётку руля.

– Это твои стихи? – спрашиваю я. – Для кого ты их написал?

Он поворачивается ко мне, смотрит внимательно, я даже не замечаю, как его рука ложится на мой затылок, легко притягивает к себе и касается своими губами моих. Я замираю, у меня почти не бьется сердце, я целуюсь первый раз в жизни, первый раз в семнадцать лет. Он очень нежен, боится меня напугать, его пальцы скользят по моим волосам и останавливаются на предплечье, но даже сквозь искусственную кожу своей куртки, я чувствую, как горяча его ладонь. Он останавливается, чуть отстраняется, но все равно мы сидим касаясь друг друга лбами, не в силах потерять это чувство единства между нами.

– Извини, – хрипло шепчет он.

Я набираюсь храбрости и касаюсь его щеки, под пальцами легкая щетина, веду вниз по шее, там где идёт артерия, чувствую насколько зашкаливает его пульс, сама касаюсь его губ, легко провожу кончиком языка по его верхней губе. По-

целуй становится терпким, словно крепленое вино, в висках шумит кровь и все внутри горит, от нестерпимого желания, одного единственного быть ещё ближе.

Я все прошедшие года никак не могла вспомнить, что тогда играло на той кассете. Но однажды на автозаправке, по пути на новую работу, из приспущенного стекла похожей девятки заиграли «Дожди-пистолеты», я все вспомнила, нашла этот трек и плакала почти час, оплакивая своё несостоявшееся счастье, ушедшую молодость, единственного любимого человека в этой жизни. Как же сложно устроена, личность человека, мы говорим, когда не нужно, и молчим, когда одно единственное слово способно расставить все по своим местам. Мы придумываем обстоятельства, не случившегося ещё действия и называем их последствиями, уверяя себя, что так будет лучше, а после сожалеем и говорим «а если бы», ушедшее от нас становится давящим прошлым, которое душит в минуты сожаления перехватывая горло от стыда, обиды, боли.

Глава 1

Кабинет директора школы заставлен букетами, они уже стали увядать из некоторых ваз тянет тухлой водой и гниющей зеленью. Почему-то эти георгины и гладиолусы мне всегда навевают печаль, траурные композиции по ушедшему лету.

Ненавижу школу!

– Анна Михайловна, войдите в положение, – заискивающе говорит моя мама.

– Стася тут пошла в первый класс. И я тут училась.

– Я помню, – мягко, вкрадчиво делая ударение на втором слове, говорит директор, сжимая губы с перламутровой помадой, окружённые сеткой мелких противных морщин.

– Нет мест! Вы поймите! Середина сентября, нужно было летом приходиться. Два года назад пятую школу расформировали. Мы в две смены учимся, кабинетов не хватает. Где же вы были?! Середина сентября.

Она мотает головой, перебирает папку с моими документами и вновь закрывает её.

– Стася хорошо учиться, догонит.

Иногда мне кажется, что мода на вычурные имена пошла именно с меня. Мысленно закатываю глаза, вход пошла тяжёлая артиллерия.

– Я помню о её способностях. Вы девочку после первого класса отличницей забрали, а в пятом классе она вернулась отстающей. Мы дотянули до отлично к седьмому, что теперь я не знаю! – она разводит руками.

Мама теребит ручки своей сумки, ей наверняка очень хочется курить.

– Придётся ехать в колледж. В Москве у отца я её оставить не могу, там ребёнка ждут, – всхлипывает, пытаюсь выдать слезу.

– А тут бабушка будет присматривать, только на неё надежда. Заграницу, сами понимаете, взять не могу. Нужно будет поступать, а лучше нашего родного образования нет.

Поражаюсь маминым способностям молниеносно ориентироваться в любых ситуациях.

– Нет! В колледж ни в коем случае нельзя! У нас в школе профиль, те кто не прошли после девятого туда отправились. И те кого мы взять не захотели: одного только Славу Еськина взять и его компанию, поскорей бы отучился и в армию забрали. А может и в тюрьму. Туда ему дорога. Господи, прости! Девочке туда нельзя, ей после Москвы там не выжить. Я конечно, образно говорю.

– Найдите место! Она и в легкой атлетике первые места занимала и на олимпиады ездила. С успеваемостью все хорошо. Да, мама! Я столько кружков посещала, что сбилась с толку, лишь бы твоё личное время не занимала, да и папино тоже.

– Хорошо бегаешь? – спрашивает меня.

Я киваю в ответ. Анна Михайловна поднимается и ищет что-то на полке с документами, женщина груша в бежевых ботильонах. Ничего не меняется в этом королевстве.

– У нас день здоровья через неделю, нужно кросс по пересечённой местности бежать. Побежишь от школы?

– Да, – говорю бесцветным голосом, можно подумать – у меня есть выбор.

– Замечательно, – чеканит она. – Пишите заявление.

– Дочь, иди постой в коридоре, – говорит мне мама.

Чего скрывать-то, я же понимаю, что она хочет её отблагодарить, могли и при мне, но безропотно выхожу. Идёт урок, в коридоре тихо и пусто, несколько дежурных с любопытством смотрят на меня. Я изучаю расписание, стенд с объявлениями, тут почти ничего не поменялось: может чуть лучше ремонт и новые шторы. Мимо меня с уличного стадиона проходят ребята в спортзал, почти все незнакомые, сначала даже не понимаю, что девушка с высоким хвостом машет мне. Неуверенно машу в ответ и только в этот момент узнаю её. Это моя соседками парте

Рита, мы смеёмся и бежим обниматься.

– Ты к нам? – почти срываясь на визг, кричит она.

– Вроде возьмут, – киваю ей.

– Самойлова, не ори на всю школу! – одёргивает её физрук.

– Давай ко мне вечером, к бабушке, – говорю ей, прежде

чем наш разговор перебивает трель звонка.

Мама выходит из кабинета директора, ликуя, улыбаясь, все идёт по её плану.

– Ты сумку забыла, – говорю ей.

– Нет, не забыла. Теперь у директора твоей школы есть итальянская сумка.

Обалдеть можно!

Через полчаса мы едем по частному сектору к дому моей бабушки, мама курит, от чего весь салон заполнен сизой дымкой. Мы с ней похожи, но слишком разные: она крашеная добела блондинка, красит губы перламутровой розовой помадой, я натуральная блондинка и ненавижу макияж. Она с десяти лет дарит мне наборы украшений и с недавнего времени косметику, из её подарков я пользуюсь лишь духами и иногда тушью.

Я сморю сквозь стекло на улицу, которая почти не изменилась, те же яблони и калитки домов, тут прошло мое раннее детство. Бабушка встречает нас на крылечке дома. Я неторопливо выбираюсь и машины и плетусь по каменной дорожке в объятия бабушки.

Володь, помогло сумки перенести! – кричит он в сторону соседнего участка.

Оттуда выходит сын наших соседей Вова.

– Какой жених стал! – обнимает его мама и мило целует в щеку, – Я помню, как тебя в садик водила!

Он всегда был очень милым мальчиком, а стал просто

красавчиком.

– Привет! Совсем большая стала, – приветствует он меня.

– Ага, – только отвечаю ему и захожу в дом.

Глава 2

Местечко именуемое «Ключи», идеально подходило для проведения спортивных мероприятий на открытом воздухе. В то субботнее утро тут собралось невиданное количество людей, поляна при въезде в лесополосу была заставлена машинами, красными флажками проложен маршрут, стояли несколько палаток с горячим чаем и местом для судей.

Я пришла на свою стартовую позицию, мне предстояло пробежать примерно двести метров – немного в гору, обогнуть скалу и финишировать. Мы шли с отрывом и я особо не волновалась. Немного разогрела мышцы пробежкой по маршруту.

Народу становилось все больше, прибывали группы поддержки. Старт девчонок был разминкой, основные баталии происходили, когда соревновались парни.

По звукам было понятно, что они уже стартовали на дальнем старте.

Впервые за неделю я почувствовала себя неуютно под взглядами окружающих.

– Разбираем манишки, – услышала я за спиной. – Какая школа?

Раздавать номера подошёл по всей видимости физрук из колледжа, рядом с ним стоял высокий сутулый парень, не

осень симпатичной наружности. Его бас и тупые шутки, вероятно веселили толпу, хотя мне не казалось в них ничего остроумного. Типичный представитель гоп-культуры в костюме Адидас с белыми лампасами.

– Школа какая? – переспросил уже он.

– Приозерная, – отчего-то грубо ответила ему.

Он протянул мне кусок ткани с номером и завязками, одна из которых была коротковата и не получалось её завязать.

– Давай помогу! – вызвался долговязый.

Я фыркнула, но приняла его помощь.

– Резкая и дерзкая! – пробасил он. – Новенькая что ли?

«Иди ты»! – мысленно отправила его.

Когда пришла моя очередь, борьба разогрелась не на шутку и на нашей стартовой была почти толкучка. Я перехватила палочку и побежала, но пробежав несколько метров мою соседку в синей майке по старту толкнули, она полетела на меня, а я поняла, что упала, лишь дела на камнях. Ладонь горела, я содрала кожу.

Грубо выругавшись, решила продолжить, но не смогла встать на ногу. Из-под ткани на колене растекалось алое пятно.

– Сука! – взвыла я от боли.

У меня оказалось, были ещё цветочки, девочка в синем вообще не могла подняться.

Через пару минут подбежал медик, мою напарницу, так сказать, повели к машине скорой помощи. По дороге её вы-

рвало. Кто-то предположил, что это сотряс.

Я взяла бутылку перекиси водорода из чемодана медика и залила ладонь, а потом и колено.

Мои попытки самой пройти хоть несколько метров не увенчались успехом, я облокотилась на ствол дерева. Тогда сутулый подхватил меня за локоть и попытался поднять на руки, отчего я дёрнулась, словно очумевшая.

– Руки убери! – отмахнулась, балансируя на одной ноге.

– Мне тебя в травмпункт привезти наказали, а то скорая уже уехала.

– Это не значит, что тебе сказали меня облапать!

Он загоготал в ответ. И все же гордо без его помощи я доковыляла до места где стояли все машины, он указал мне на чёрную девятку. Я вползла, мысленно матерясь на заднее сиденье, а он на пассажирское. Через пару секунд на место водителя запрыгнул невысокий черненький парнишка, он улыбаясь во все тридцать два зуба, мотнул головой в знак приветствия.

– Как зовут-то? – спрашивает меня черненький.

– Стася, – отвечаю ему, приматывая на рану десятый слой бинта.

– Настя что ли?

– Нет, просто Стася.

– Рубен, а это Слава, – в пол оборота представляется он.

Я киваю, а через секунду взываю от боли, когда машина подпрыгивает на кочке.

– Потерпи, уже приехали, – говорит сутулый Слава.

Выйти из машины мне помогают, в этот раз я уже не отказываюсь. Когда ведут в рентген кабинет, медсестра протягивает ножницы.

– Если сама не снимет штаны, то режь штанину.

Сутулый замирает в нерешительности.

– У девушки своей штанину разрежь! – раздраженно повторяет женщина

– Давай из сюда, я сама, – тяну ему руку. – Крови боишься?

Самой срезать не получается, возвращаю ножницы и Слава по чуть-чуть начинает освобождать ногу от пропитанных кровью бинтов и ткани штанины спортивных. Он делает это медленно, я начинаю нервничать.

– Не бойся, я не кусаюсь! Давай резче!

Он посмотрел на меня ухмыльнувшись и двумя быстрыми движениями справился с работой.

На снимках не было перелома, я обрадовалась. Сделали укол и наложили несколько швов и поставили прививку от столбняка.

– Даже шрама не останется, – сказала медсестра, накладывая повязку.

После укола, мне удалось самостоятельно выйти из больницы.

Чёрная девятка все ещё стояла у крыльца.

– Садись, подвезём, – кивнул на мне Рубен.

Обо мне забыли сразу, как только я назвала адрес. Рубен все дорогу уговаривал Славу купить у него машину.

– Ты же знаешь, как я за ней слежу. Чужому человеку жалко отдавать, а батя уже мерин с Германии гонит, – единственное, что я слышала сквозь орущую музыку.

Глава 3

Вот, уже несколько дней я валяюсь дома, мне разрешили не ходить в школу до снятия швов. Ко мне приходят Рита и Света, они приносят домашнее задания, я переписываю у них классную работу, но в большинстве мы болтаем.

Я заняла большую комнату на втором этаже, бабушка тут особо никогда и не жила, мы пишем лёжа на полу и кровати, хотя письменными стол у меня есть.

– Как на счёт дискотеки? – спрашивает Рита.

– Когда нога заживёт, а то из меня хреновый танцор, – отвечаю я.

Девочки смеются и переглядываются.

– На наших дискотеках особо не танцуют, если только сильно напилась или сняться хочешь, – говорит Света.

– А смысл? – спрашиваю их.

– Потусоваться, быть в курсе событий, на других посмотреть, – перечисляет Рита.

– Мы иногда на школьной дискотеке танцуем, – дополняет Света.

– Все равно, только когда нога заживет.

Бабушка приносит нам блины и чай, немного сидит с нами, рассказывает, как в этой комнате собирались на танцы моя мама с подружками.

– А это кто меня в больницу возил? – спрашиваю их.

– Еськин и Рубен, – в один голос отвечают они.

– Имена я их знаю.

– На этом остановись. Та ещё компашка! Один урод, второй просто урод!

– Кстати кто-то из них на тебя глаз положил. Они Наташке, что вас толкнула внушение сделали. Она теперь ниже травы, тише вола ходит. Хотя та ещё стерва! – говорит Света.

– Они девушку могут ударить?

– Не ударить, но объяснить по понятиям! – многозначительно поднимает бровь Рита.

– Я его совсем не помню, хотя рядом живет. Этого Еськина, – говорю им.

– Так его почти из всех школ повыгоняли в районе, кое-как до девятого класса дотянул. Если бы не мама! Вот она бегала его косяки заминала! – рассказывает Рита. – Одна её отрада.

Мне мама рассказывала, что она работала в театре московском костюмером, а потом внезапно вернулась и до седьмого месяца не говорила, что беременная. Про отца отшучивалась, или для себя родила, или боялась, что ребёнка заберут.

Скорее для себя, сама то не очень и сын в неё пошёл.

– Разные ситуации в жизни бывают, – подумала я между делом о своей семье.

– Прикинь, мне говорили, что на прошлой неделе в «Свет-

леньком» Бондарь с ним целовалась, – скривилась Света.

– У него деньги всегда водятся, вот и целовалась! – заржала Рита.

– Фу! Он же урод!

– На любителя. Лысый и длинноносый. Сильно на любителя.

Мы ещё немного поболтали, девочки посвятили меня в правила поведения в общественных местах, вроде «Светленького» или «Крейсера» – это местные бары, где проводили дискотеки в выходные. Причем лучше было выбрать одно место и не светиться в других, их хозяева имели терки меж собой и молодежь делилась на два негласных лагеря.

Это были наши нулевые, мы танцевали под Линду и ее «цепи», стригли прямые чёлки, носили остроносые туфли. Наше детство закалилось в девяностые, а выяснять отношение мы все ещё стремились методом, кто сильнее, тот и прав.

Уже поздним вечером, когда мы пили чай с бабушкой, она рассказывала мне о том как они жили тут или выживали, как складывались их судьбы, как забирали мальчиков на войну, как торговали на рынках, мотались за товаром в столицу, Турцию или Польшу.

Я узнала, что у отца Рубена есть автосервис, он гоняет машины из заграницы, но поговаривают, что ещё и не мало угоняют, не у местных конечно. На мой вопрос: откуда у Еськина водятся деньги, бабушка многозначительно замолчала. Всем известно, что он с пятного класса школы торгует

сигаретами и водкой, говорят, что ещё сдергивает магнитолы из машин. Бабушка сказала, что озлобленный волчонок, над которым смеялись в детстве, заставил себя уважать, даже взрослых.

– Не вздумай с ними связываться! – строго сказала мне она. – Ни к чему хорошему его жизнь не докатиться. Если у Рубена есть отец, то этому одна дорога в тюрьму.

Если бы ты, бабушка, могла только представить сколько бизнесменов поднимутся благодаря этим годам.

Глава 4

У одноклассницы Даши день рождения, она пригласила нас на дискотеку.

– Ты нормальная?! Заказать столик в «Светленьком», я туда ни ногой! – разочарованно выговаривала ей Света.

– В «Крейсере» сегодня нет знакомых на входе, после одиннадцать нас отправят домой, а тут все схвачено. Я хочу потусить нормально, ответила ей Даша.

Рита тоже скептически относится к затее, но учитывая, что мы намарафетились, приоделись и очень хотим гулять, соглашается за нас двоих, у меня особого выбора нет, я ещё нигде не была, мне интересно.

Нас пропускают без проблем. «Светленький» это бывший районный клуб, приватизированных в девяностые и переделанный под подобие ресторана, а позже и дискотеку.

Мы о дыхания в vip кабинке, на столе в основном газированные коктейли и кальян, ещё есть немного пространства, чтобы потанцевать. В основной зал мы не стремимся выходить, но музыку очень хорошо слышно. Девочки периодически бегают к бару – это называется засветиться, нужно поздороваться со знакомыми и похвалиться, что мы сегодня заняли випку.

Ближе к двенадцати я решаю уйти домой, сначала с Ри-

той мы идём в сторону туалета, она задерживается у бара, я сталкиваюсь у выхода с танцполе с Рубеном, киваю ему и следом тут же налетаю на Еськина, он смотрит на меня с высоты своего роста. Я так же киваю и ухожу.

Через минут двадцать, мои попытки найти Риту сходят на нет. Я злюсь, проверяю нашу кабинку, но там тоже пусто, надеваю пальто и иду на выход. В помещении напоминающем фойе оживление, из гомона я понимаю, что приехали менты.

Меня кто-то хватает за локоть и разворачивает в противоположную сторону. Это Еськин.

– Куда ты меня тащишь? – пытаюсь вырваться я.

– Сейчас всех, кому нет восемнадцать в обезьянник заберут.

– А девчонки?!

– Они местные, им ничего не будет, а тебя для галочки оформят.

Он протягивает мне руку, я обдумав пару секунд серьёзность своего положения, хватаю его и иду следом. Пройдя несколько коридоров, мы оказываемся в подсобке. Он открывает окно и протягивает мне брелок от машины.

– Отгони машину к перекрестку, – говорит мне.

– Я не умею! – испуганно говорю ему.

– Серьезно? – переспрашивает он.

Я киваю, он смеётся в ответ и забирает ключи обратно.

– Жди чуть подальше от здания, – и показывает примерное направление.

Я спрыгиваю с подоконника вниз, под ногами хлопает первый снег вперемишку с опавшими листьями. Под тонкое пальто забирается холод, я жалею, что не взяла ключи, сидела бы в теплом салоне, но вместо этого сквозь кусты пробирюсь подальше отсюда.

От входа отъезжает чёрная девятка, ее тормозят, светят фонариком в салон и отпускают.

Через несколько минут она тормозит на перекрёстке, я прыгаю на пассажирское место.

– Замерзла? – спрашивает Слава.

– Очень, – дрожа отвечаю и тяну ладони к печке.

Еськина тянется через меня к бардачку и достаёт от туда фляжку, которую протягивает мне.

– Пей!

– Что это? – спрашиваю его, предварительно потрянув её.

– Коньяк. Пей, согреешься.

– Я не ослепну?

Он смеётся, я откручиваю крышечку и делаю хороший глоток, обжигающая жидкость ударяет тёплом в нос и разливается по мышцам расслабляя их.

Через несколько минут, он тормозит.

– Садись, – говорит мне, кивая на водительское место.

– Зачем? – удивленно спрашиваю его.

– Водить научу.

– Зачем?

– Что заладила! Зачем, да зачем. В жизни пригодиться.

Мне весело, я оббегаю капот и сажусь за руль. Кресло далеко, и я не достаю до педалей, Еськин ловко подвигает меня на нужный уровень и ставит мои ладони на руль в правильном положении.

– Тебя не смущает, что я немного не трезвая? – обращаюсь к нему.

– Нет, не смущает, – очень спокойно отвечает мне.

Я несколько раз учусь набирать обороты, чтобы почувствовать педаль газа, а когда отпускаю сцепление и машина едет, кричу от восторга.

– Круто! – говорю дрожащим от волнения голосом, глуша машину и откидываясь на спинку сиденья.

От нахлынувшей волны адреналина мое опьянение улетучилось, словно и не бывало.

– Понравилось? – спрашивает Еськин.

Я киваю и закрываю лицо ладонями, потому чувствую, как оно горит огнём, не надо даже гадать, что мои щеки алые.

– А что, тебя отец ни разу на садил за руль? – спрашивает он.

– У моего папы харлей и единственное чему он меня учил, не садиться в машины к незнакомым пацанам. Особенно в чёрные девятки. Особенно ночью.

– А ты очень послушная! – гогочет Еськин.

– Спасибо! – говорю ему, выходя из машины, когда он подвозит меня к дому.

Глава 5

Осень медленно кочевала к зиме, начинались осенние ка-никулы, а последний учебный день завершала школьная дискотека.

– Ты придёшь вечером? – спрашивает меня Рита.

– Мне одного раза хватило, – отвечаю ей.

– Все ещё дуешься? Я, правда, не могла тебя найти, – оправдывается Рита. – После в «Крейсер» пойдём.

Я и правда решила остаток учебного года пересидеть тихо, сдать экзамены и уехать поступать в Москву. Тем более, что первый и единственный выход в «свет» меня не очень вдохновил на дальнейшее вливание в социум.

Как уверяли Рита и Света «Крейсер» приличное место, там есть отдельная курилка, на танцпол не пускают с бутылками и вообще там весело.

И вот, я в пять часов выхожу из дома, возле соседского дома стоит чёрная девятка и Волга отца соседа Вовы. Сам он беседует с Рубеном и Еськиным, кутаясь в зимнюю куртку. Начинает холодать, с неба кружась падают хлопья снежинок, покрывая все белоснежным покрывалом. На ветках горят алым огнём кисти калины, единственные различные цветные пятна среди усиливающегося снегопада.

– Подвести? – спрашивает Вова, когда поздоровавшись

кивком прохожу мимо них.

– Я до Риты, – отрицательно мотаю головой.

Уходя, чувствую, что мне смотрят вслед, очень неприятное чувство холодком пробегающее вдоль позвоночника.

Школьная дискотека явление парадоксальное, его устраивают с разрешения директора школы, чтобы дети под прищуром взрослого повеселились. Как это должно проходить с точки зрения педагогического состава остаётся под вопросом, нам же периодически включают свет, меняют музыку и устраивают конкурсы, наподобие, кто кого перетанцует. Когда бдительность падает толпа начинает пополняться за счёт бывших выпускников и учеников колледжа, те кому пройти через парадный вход проблематично, попадают через окна раздевалок и туалетов на первом этаже, от туда же идёт поставка горячительного. Запах алкоголя в толпе танцующих становится более навязчивым. Мы не танцуем, своими возле подоконника, смотрим на подвыпивших одноклассников.

– Может выпьем чего-нибудь? – спрашивает Рита.

Я пожимаю плечами, тогда она хватает меня за руку и ведёт в женский туалет. Мы прикидываем сколько у нас денег, я не тихая серая мышь, но иногда активное поведение подружки меня сбивает с толку. Понятно, что скучная жизнь провинциального городка требует иногда безрассудств. Я знаю, что отучится в колледже, устроиться на работу для неё перспектива её будущего и реалии настоящего. Именно поэтому она старается быть чуть больше в ногу с тенденциями окру-

жающей жизни, стать больше в центре внимания.

– Есть что? – спрашивает она у парня из параллельного класса, имя которого я не помню. Тот, что-то бубнит ей на ухо.

После чего она ведёт меня снова в туалет и открыв окно, кивает, чтобы я следовала за ней. Что-то слишком часто мне приходится лазить через окна. На улице не на шутку холодно, моя тонкая блузка не даёт и капли тепла, можно было с таким же успехом выйти голой, а возвращаться за пальто, вызвать лишнее подозрение.

Я не успеваю сориентироваться, как вижу Риту в темпе быстрого лани несётся сквозь снег к черному Мерседесу, стоящему недалеко от школы. Успеваю догнать ее, уже стоящей у окна водителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.